

УДК 94(71).06 + 94(47).084.6

ЕВГЕНИЙ ЕФРЕМКИН

аспирант университета Йорк, Канада

evgenyefremkin@gmail.com

«КАРЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ» ИЛИ «КАРЕЛЬСКАЯ ЛИХОРАДКА»?

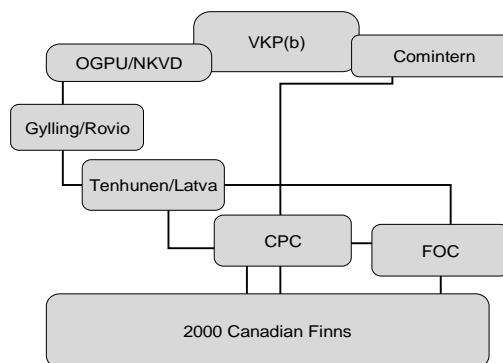
Данная работа представляет собой исследование двух главных движущих сил «карельского исхода» – тех, кто инициировал и реализовывал «карельский проект», и тех канадских финнов, для кого карельский феномен превратился в «лихорадку». Это поможет наиболее полно охарактеризовать природу «карельского исхода».

Ключевые слова: канадские финны, проект, лихорадка, идеология, культура, материальное благополучие

Настоящая статья представляет обзор истории «сверху» – анализ политики, которую проводили идеологи «карельского проекта», и истории «снизу» – исследование судеб отдельных людей и семей, для которых поиски финансовой и социальной стабильности превратили проект в «лихорадку». Главная задача заключается в том, чтобы определить, какую роль сыграло в данном вопросе руководство СССР, Карелии и Канады и насколько спонтанным было решение канадских финнов отправиться в СССР. Другими словами, оказалась ли миграция из Канады результатом «карельского проекта» или «карельской лихорадки»? Особенно важным представляется то, что в данном исследовании предпринимается попытка провести всесторонний анализ причин исхода.

«Карельский исход» был инициирован и проконтролирован сверху, высшими эшелонами партии большевиков. Инструкции проводились через организации международного коммунизма – от ВКП(б) в Коминтерн, карельским властям, КПК и Организацию финнов Канады. Как и предполагалось, вербовка в СССР привела к намеченным результатам. Исход в Карелию был

«карельским проектом». И все же инструкции из Кремля во многих случаях были использованы на местах в собственных интересах отдельными политическими фигурами Карелии и Канады. Хотя некоторые канадские финны отправились в Карелию под влиянием коммунистической про-

«Карельский проект»: иерархия в структуре интернационального коммунизма

паганды, призывавшей помочь СССР в строительстве социализма, большинство расценивали «карельский проект» как шанс сбежать от депрессии, поразившей Северную Америку, и как способ найти работу и социальную стабильность в «раю для рабочих». В этом отношении канадских финнов волновали лишь собственные интересы. «Карельский исход» был инициирован и организован сверху, в то время как эмигранты в СССР строили свои собственные планы. Таким образом, миграция в Карелию превратилась в сложный феномен, который сегодня известен как «карельская лихорадка».

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

На настоящий момент историками уже проведена огромная исследовательская работа относительно «карельского исхода». Такие ученые, как Варпу Линдстрём, Ирина Такала, Маркку Кангаспуру, Алексис Погорельский, Ойва Сааринен, Мейми Севандер, Майкл Карни и Питер Кивисто, в своих работах рассмотрели основные экономические, культурные и социополитические аспекты, которые послужили причиной того, что североамериканские финны покинули Канаду и отправились в Советскую Карелию. Их общий вклад в предмет исследования заключается в детальном обзоре сложной природы миграционных процессов, когда комплекс взаимодействующих и взаимосвязанных причин обусловил массовый исход.

Варпу Линдстрём, ведущий специалист в данной области, обосновывает миграцию финнов экономическими причинами. Она показывает, что Великая депрессия достаточно сильно повлияла на сообщества иммигрантов в Канаде. Возросшая безработица, бедность, нетерпимость по национальному признаку, преследование властями и общее чувство незащищенности и безысходности заставили многих финнов задуматься о переезде в Карелию, когда представилась такая возможность [7; 17].

Другие авторы делают акцент на причинах политического характера. Мейми Севандер, иммигрировавшая в Карелию в юном возрасте вместе со своей семьей (ее отец был одним из главных вербовщиков американских финнов в СССР), постоянно указывает в своей книге, что главными причинами «карельского исхода» являлись идеология утопического коммунизма и связь североамериканских финнов с коммунистическими и социалистическими организациями. В монографии «Скитальцы» она отмечает, что главной составляющей «карельской лихорадки» являлся «идеологический фанатизм» [2; 46–47].

Историки также отмечают, что центральное место в «карельском исходе» занимают культурные и национальные аспекты. С. Харрис в своей магистерской диссертации «Миграция американских финнов в Советский Союз в 1930-е гг.»

указывает, что многие финны считали, что им не удалось достичь американской мечты [4; 246]. В Америке они чувствовали себя отторгнутыми. В то же время лозунги о приглашении в Карелию играли на чувствах национальной гордости и идентичности. И. Р. Такала пишет, что для североамериканских финнов Карелия ассоциировалась с Финляндией и была похожа на Родину. Харрис полагает, что «продолжающиеся попытки найти потерянный рай были как раз характерны для тех, кто уже однажды потерпел в этом неудачу» [4; 254].

А. Погорельский считает, что в вербовке североамериканских финнов в Карелию были заинтересованы три основные силы. Во-первых, это кремлевские политики, которые в 1928 году, стремясь обеспечить выполнение первого пятилетнего плана Сталина, надеялись с помощью приглашенных квалифицированных специалистов начать разрабатывать лесные ресурсы Карелии. Во-вторых, это карельское руководство, Эдвард Гюллинг и Густав Ровио, которые после Октябрьской революции стремились сохранить в Карелии финскую составляющую в социальной и культурной сферах [8]. В-третьих, Матти Тенхунен и Юсси Латва, которые использовали процесс вербовки как бизнес, получая комиссионные с каждого завербованного рабочего в свою пользу. Более того, они не по назначению использовали машинный фонд, который был собран эмигрантами в целях индустриализации в Карелии. В то же время Питер Кивисто подчеркивает ведущую роль советского руководства в «карельском проекте». Он показывает, что миграция канадских финнов была «тщательно спланирована советскими властями» [4; 252]. Также Маркку Кангаспуру пишет, что «карельский проект» не был бы осуществлен без одобрения Кремля. При выявлении причин «карельского исхода» необходимо уделить особое внимание экономическому и политическому положению Советского Союза, ВКП(б), карельского руководства и международного коммунизма в целом.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА В КОНЦЕ 1920-х ГОДОВ

С укреплением власти Сталина линия внешней политики Советского Союза отошла от идей мировой революции и сосредоточилась на сохранении существующего советского режима, защите государственных границ и строительстве социалистического строя внутри страны. К концу 1920-х годов Коминтерн стал главным источником международной пропаганды, стоявшим на службе интересов внешней и внутренней политики Советского Союза. Рост просоветских настроений, а также инициированные Коминтерном широкие пропагандистские кампании, которые были реализованы в Канаде местной компартией и ее отделениями, значительно повлияли на желание канадских финнов отправиться в Карелию.

К концу 1920-х годов лесная промышленность Карелии стала играть важную роль в экономике Советского Союза. Тогда же карельское руководство получило приказ из Москвы увеличить производство древесины на 50 %. В высоких требованиях к промышленному производству, установленных в первом пятилетнем плане, Эдвард Гюллинг увидел возможность привлечь в республику больше финнов. Прибывшие в Карелию финские рабочие из Северной Америки, по мнению Гюллинга, поддержали бы сохранение культуры края. Более того, североамериканские финны также были квалифицированными работниками, приезд которых помог бы выполнить план, поставленный Москвой [12]. Финская политика Гюллинга, очевидно, смогла получить необходимую поддержку Москвы, и линия «карелизации» (увеличение участия финнов в экономической, политической и социальной жизни республики) была утверждена на очередном съезде ВКП(б). В сущности, «карелизация» обозначала «финнизацию» Карелии. Требования Гюллинга и Ровио пригласить квалифицированных североамериканских финнов в республику были одобрены.

Между тем принятие стратегии «третьего периода» в Советском Союзе сигнализировало о переменах в курсе Коминтерна и его отделений, включая Компартию Канады. О содержании стратегии «третьего периода» Мэтью Ворли пишет: «С точки зрения большевиков, это означало, что капиталистический мир находится на пороге эпохи кризиса. В подобной ситуации противоречия в капиталистическом крыле должны были привести к увеличению классовой дифференциации, империалистической войне, колониальной нестабильности и росту вражды капиталистических держав по отношению к СССР» [13].

Другими словами, по теории Бухарина, капиталистические государства находились на пороге экономического кризиса, который должен привести к империалистической войне, а она, в свою очередь, привела бы к агрессии против Советского Союза.

Политические изменения в Советском Союзе также означали смену курса Коммунистического интернационала и последующие преобразования целей КПК. Новой задачей всех коммунистических партий, продекларированной Исполнительным комитетом Коммунистического интернационала (ИККИ), являлась в первую очередь защита Советского Союза. X съезд ИККИ определил международное положение и первоочередные задачи секций Коминтерна следующим образом: «В битве против надвигающейся военной угрозы, капиталистического наступления и клеветнических кампаний реформистов все коммунистические партии должны проводить просветительские акции, чтобы показать гигантские достижения строительства социализма в Советском Союзе» [11; 51].

В 1931 году на XI съезде ИККИ прямой задачей всех отделений Коминтерна была провозглашена защита интересов СССР, «что налагало на все секции Коминтерна обязанность вести самую активную борьбу в защиту интересов Советского Союза» [11; 164].

ПРОПАГАНДА КОМИНТЕРНА В КАНАДЕ

Давление Коминтерна на Компартию Канады относительно проведения стратегии «третьего периода» по-разному отразилось на судьбах местных канадских финнов-социалистов. В Северной Америке царил политический, экономический, социальный кризис, и для пропаганды благополучного будущего в «раю трудящихся» не могло найтись более подходящего момента. В апреле 1929 года Коминтерн откровенно вмешался в дела КПК и, отложив проведение очередного съезда партии, использовал появившееся время для того, чтобы уменьшить влияние фракции Бака и Смита. Тогда Тим Бак обеспечил подчинение канадских коммунистов Москве и смог продержаться у руля компартии Канады до 1960-х годов. Можно утверждать, что с 1930-х годов программы и политика КПК определялись не нуждами и потребностями рабочего класса, а лишь дипломатическими интересами советской бюрократии, которые понимались довольно узко [3]. В сущности, Международная ленинская школа, основанная Коминтерном в Москве, стала своего рода средством, с помощью которого из Кремля в Канаду проводились изменения в доктрине ВКП(б) [3]. Стюарт Смит, правая рука Бака в КПК, один из самых активных канадских студентов в Ленинской школе в начале 1920-х годов, отвечал за советскую пропаганду в официальном печатном органе КПК «Уоркер». Оценка международной обстановки в речи Смита на VI съезде КПК в 1929 году, как пишет Агнус, «была настолько схожей с традиционной линией Коминтерна... все утверждения основывались на представлении, что мир вступает в “третий период” капиталистического развития» [3; 237].

Коммунистическая пропаганда в Канаде распространялась при помощи компартии, ее региональных отделений, а также радикальной прессы. В письме от 19 мая 1931 года, направленном Центральным отделением агитпропаганды КПК в отдел культуры Профинтерна, сообщается: «В связи с проводимой нами здесь культурной работой мы просим снабдить нас подходящей сценарийной литературой на русском, украинском, болгарском языках. Мы испытываем нехватку подходящих сценариев революционной тематики. Также просим выслать нам популярную литературу или руководства для драматических кружков на русском языке» (Письмо из Центрального отделения агитпропаганды КПК в управление культуры Профинтерна г. Москвы, СССР – NAG, GROUP 28 IV, reel

М-7376, 4 А 2723). Кроме того, в начале 1931 года Коминтерн издал двадцатистраничную брошюру, состоящую из 46 разделов, под общим заголовком «Революционные задачи Коммунистической партии Канады». Документ, представляющий полный спектр действий, которые должна предпринять КПК относительно стратегии «третьего периода», вышел на английском, французском и русском языках.

В июле того же года в докладе на встрече в Центральном исполнительном комитете были четко поставлены цели пропагандистской кампании в Канаде: «Особое внимание мы должны уделить разъяснению того, что трудности, с которыми сталкиваются все слои рабочего класса, связаны с военной угрозой. При возможности используйте жалобы рабочих и фермеров в местные отделения (на местах), указывая на связь с военной опасностью и агрессией против СССР» (Письмо № 21 – доклад на встрече ЦИК, 14.07.1931 – Фонды Коминтерна, НАС МГ 10 К 282).

Первым пунктом программы на встрече Центрального отделения агитпропа летом 1931 года также была пропаганда центральной роли СССР и ВКП(б): «Говоря о СССР и его успехах, мы должны помнить, что без партии невозможно ни существование, ни появление Советского Союза. Успешное строительство социализма – это полная заслуга деятельности и принципов партии Ленина. Это должно быть ясно» (Письмо № 21 – доклад на встрече ЦИК, 14.07.1931 – Фонды Коминтерна, НАС МГ 10 К 282).

Наиболее активно используемый лозунг КПК в 1931 году звучал так: «Поможем Советскому Союзу выполнить пятилетний план без иностранного вмешательства» (Фонды Коминтерна, НАС МГ 10 К 282).

Значение роли пролетариата в Советском Союзе также пропагандировалось в рубрике, которую вел Матти Тенхунен в финско-канадской газете «*Varaus*». Один из основных деятелей в вербовке североамериканских финнов, Тенхунен призывал финских рабочих помочь Советскому Союзу в осуществлении пятилетнего плана [5]. Тенхунен опубликовал серию статистической информации о росте промышленности в СССР и высказал мнение, что Советская Карелия не сможет выполнить план без помощи иностранных рабочих: «...помощь нужна на лесозаготовках, лесосплавах, лесопильных заводах, бумажных фабриках, в рыболовстве, сельском хозяйстве и строительстве» [5].

Таким образом, объединенные попытки Коминтерна, КПК и вербовщиков создали определенное представление о жизни и работе в СССР, которое стало привлекательным для канадских финнов, разочарованных депрессией в Северной Америке. Культурный, экономический и социально-политический кризис в Канаде сделал жизнь финских рабочих-иммигрантов невыносимой. В то же время экономическое и полити-

ческое развитие в Советском Союзе рождало необходимость найма рабочих в Карелию. Вербовка осуществлялась сверху вниз – через структуры и каналы международных коммунистических организаций.

«КАРЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ»: ИНИЦИАТИВА СВЕРХУ. СОВЕТСКО-КАРЕЛЬСКИЙ ИНСТРУКТАЖ: ПЕРЕПИСКА ТЕНХУНЕНА И БАКА

Очевидность того, что «карельский проект» претворялся в жизнь сверху вниз, можно обосновать перепиской между Тенхуненом – агитатором и вербовщиком из Карелии в Северной Америке, и Тимом Баком – главой Коммунистической партии Канады, датированной маем 1931 года. В переписке с Баком Тенхунен проявлял настойчивость, утверждая, что советские власти подготовили инструкции по вербовке канадских рабочих в Карелию и что данные приказы должны привести к конкретным результатам. Тенхунен пишет: «Я получил четкие инструкции *сверху* от политических и государственных структур... мы тщательно проработали карельский вопрос, опираясь на инструкции и генеральную линию, указанные *сверху*» (здесь и далее в письмах курсив наш. – Е. Е.) (Письмо от Матти Тенхунена Тиму Баку. 17.04.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182).

Затем Тенхунен сообщил Баку, что пункты вербовки в Канаде должны быть организованы по примеру тех, что уже созданы в США: «Комитеты технической помощи Карелии были организованы таким же способом, что и в Штатах, в соответствии с требованиями *инструкций*» (Письмо от Матти Тенхунена Тиму Баку. 17.04.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182). «Данная организационная структура для работы по карельскому вопросу уже опробована в США и одобрена секретариатом здесь, представителем в Москве и всеми советскими структурами, *в том числе ЦК*» (Письмо от Матти Тенхунена Тиму Баку. 17.04.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182). Он также напомнил Баку о пятилетнем плане в Советском Союзе и о значении «карельского проекта» для его успешного выполнения. «Данный проект является решающим для пятилетнего плана, – пишет Тенхунен. – Карельский вопрос не должен рассматриваться как свободное экономическое движение, организованное *отдельными* карельскими промышленниками. Это не является вопросом о приглашении рабочих или решением проблемы нехватки рабочей силы в Карелии. Это шаг, предпринятый политическим комитетом КПК для решения нескольких основных проблем в республике» (Письмо от Матти Тенхунена Тиму Баку. 17.04.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182).

Когда Бак ответил, что ЦИК КПК не одобрил карельскую «авантюру», Тенхунен показал себя с нелучшей стороны. Он прямо пригрозил Баку,

ссылаясь на власть, которой его наделили карельские политические лидеры: «Я думаю, что некоторые члены КПК допускают ошибку, если считают, что вопрос о переезде более 3000 рабочих до конца текущего года из США и Канады в Карелию *подлежит обсуждению*» (М. Тенхунен Баку. 22.05.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182). Тенхунен настоял, что вопрос о вербовке не может служить предметом для переговоров. Приказы должны быть исполнены: «...эта проблема не предназначена для партийного обсуждения. До сих пор не было еще практики, чтобы *решения СССР выносились на дискуссию*» (М. Тенхунен Баку. 22.05.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182). Это означает, что решения о вербовке все время диктовались из Кремля и не были открыты для обсуждения. Тенхунен четко пояснил, что КПК может заниматься лишь вопросами политического характера, такими как выяснение социалистического опыта нанимаемых работников. Все финансовые и технические вопросы должны были решаться Тенхуненом, Юсси Латвой и руководством. Тенхунен также проинформировал Бака, что вопросы о его полномочиях относительно вербовки могут быть мгновенно урегулированы при связи с Кремлем: «Вопрос о моем праве формировать штаб сотрудников, работающих по проекту, а также потребовать, чтобы вы передали мне политическое руководство, очень легко решить одной телеграммой на ту сторону Атлантики» (М. Тенхунен Баку. 22.05.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182).

Тенхунен также отметил, что Организация финнов Канады не может вмешиваться в процесс вербовки или пытаться взять на себя руководящую функцию. Тенхунен пишет: «Финское бюро имеет аналогичное мнение по данному вопросу относительно того, что работа должна осуществляться от имени Комитета Финского бюро и под полным контролем Бюро или партии» (М. Тенхунен Баку. 22.05.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182). Автор письма продолжает: «Когда программа была представлена карельскому руководству, оно решило использовать уже существующие организации, которые мы имеем в Штатах... и объявило об их полной самостоятельности в технических и финансовых вопросах» (М. Тенхунен Баку. 22.05.1931 – НАС МГ 10 К 282. Фонды Коминтерна, папка 182). Как результат, руководящими принципами «карельского проекта» явились *указания сверху*. Ни Компартия Канады, ни Организация финнов Канады не имели возможности выразить свое мнение по вопросам вербовки. Кремль и карельское руководство отдавали приказы, в то время как Тенхунен и Латва их исполняли.

КПК ПРОТИВ «КАРЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА»

Хотя Бак и КПК в конечном итоге сотрудничали с Тенхуненом и Латвой, они делали это неохотно. Где было возможно, они пытались за-

медлить процесс утечки «красных» финнов в Карелию. Например, в докладе на встрече ЦИК в мае 1931 года говорилось, что, несмотря на то что анкеты для переезжающих в Карелию могут быть разосланы по районам, «они не должны попасть в региональные отделения, так как могут быть расценены членами партии как приглашения» (Доклад на встрече ЦИК 07.04.1931 – НАС МГ 10 К 280, архив Коминтерна). Канадские коммунистические лидеры, следуя инструкциям *сверху*, хотели как можно меньше афишировать «карельский проект». Несколько раз ЦИК издавал заявления, напоминающие, что все члены партии, желающие отправиться в Карелию, сначала должны получить разрешение. «Нас вновь волнует вопрос о бегстве групп членов партии и отдельных товарищей в СССР без разрешения, это должно быть остановлено. Активисты нам нужны здесь» (Доклад на встрече ЦИК 09.06.1931 – НАС МГ 10 К 280, архив Коминтерна). Коммунистические партии Канады и США боялись, что массовый выезд финнов-социалистов, которые являлись хребтом компартий Северной Америки, нанесет удар по коммунистическому движению в этом регионе.

Письмо, направленное ЦИК Дж. Сундквисту, ответственному за заявления о переезде в Карелию, показывает, что число членов партии, имеющих право на выезд, было ограничено. «Дорогой товарищ, постоянно продолжает поступать огромное количество заявок от финских товарищей на переезд в СССР. Вы помните, что выехать могут не более 15–20 % членов партии» (Письмо ЦИК Дж. Сундквисту 25.03.1931 – НАС, Group 28 IV, 4, reel M-7377, 2 A 1130). Ограничительные квоты на членов партии, выезжающих в Карелию, обсуждались еще на заседании ЦИК в начале 1929 года. В письме Альфу Хаутамяки в Порт-Артур от 2 ноября 1929 года Полком давал следующие указания относительно карельской лесозаготовительной коммуны: «...также при наборе в коммуну не привлекайте слишком много партийных работников» (Письмо ЦИК Альфу Хаутамяки 15.11.1929 – НАС, Group 28 IV, 4, reel M-7376, 1 A 0126). Партия напоминала товарищам, что «их обязанность – бороться здесь, а не предпринимать попытки решать личные проблемы, иммигрируя в страну диктатуры пролетариата» (Резолюция КПК по поводу переезда в Карелию – НАС, Group 28 IV, 4, reel M-7377, 2 A 1261).

Были случаи неподчинения членов партии центру: «Тем не менее, как оказалось, некоторые члены партии не принимают указания центра всерьез и уезжают самостоятельно. Многие злоупотребляют членством в компартии. Политическое бюро приняло строгие меры против восьми партийных товарищей из Монреаля, которые организовали группу для переезда в СССР без ведома партии» (Резолюция КПК по поводу переезда в Карелию – НАС, Group 28 IV, 4, reel M-7377, 2 A 1261).

Лидеры канадских коммунистов также были убеждены, что некоторые товарищи вступили в КПК лишь для того, чтобы облегчить выезд в СССР. В докладе ЦИК от 15 октября 1931 года написано: «В связи с эмиграцией в СССР мы получили сообщения, что в некоторых районах товарищи, занимающие руководящие посты, носят при себе пакеты с партийными материалами и адресами, утверждая, что если они будут арестованы, это поможет им быть депортированными в СССР. Это не что иное, как предательство партии, и по данному вопросу должны быть приняты строгие дисциплинарные меры» (Отчет на собрании ЦИК 15.10.1931 – NAC, Group 28 IV, 4, reel M-7376, 1 A 0126).

Данное сообщение дает повод для сомнений, вызывала ли недовольство у «красных» финнов возможная депортация канадскими властями. Становится очевидным, что некоторые товарищи хотели, чтобы их депортировали, так как это был один из способов отправиться в «край обетованный» без разрешения партии.

«КАРЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ»: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Можно сделать несколько выводов о степени советского участия в «карельском исходе». Лидеры ВКП(б), карельские власти, представители Коминтерна, руководители КПК – все были в какой-то мере ответственны за планирование, организацию и выполнение «карельского проекта». Например, англо-американский секретариат Коминтерна был вовлечен в проект уже в 1929 году. Кремль и карельское руководство продолжали разрабатывать план о приглашении североамериканских финнов на работу в Карелию. Тем не менее, хотя приказы распространялись в иерархическом порядке, достаточно часто возникали разногласия между структурами, участвующими в реализации проекта. Каждая из них по-своему реагировала на приказы, часто действуя в своих интересах или в интересах территории, которую они представляли. Помимо трений между Тенхуненом и Баком, упомянутых выше, также происходили конфликты между Гюллингом и советскими политическими органами. Не все советские организации с нетерпением ждали огромного количества североамериканских финнов на советской земле. Например, ОГПУ, Наркомат иностранных дел (НКИД) скептически относились к «карельскому проекту», считая иностранных рабочих нежелательным элементом. Данные политические структуры являлись преградой на пути Гюллинга к воплощению мечты о финском анклав в республике.

Многие канадские финны не смогли отправиться в Карелию, так как ОГПУ и НКИД отказывали им во въездных визах. И. Р. Такала пишет, что Гюллингу пришлось приложить много усилий, чтобы продвинуть «карельский проект» и преодолеть циничные настроения политиче-

ских служб по отношению к североамериканским финнам [10]. Гюллинг продолжал настаивать, что приглашение квалифицированных американских рабочих в Карелию является залогом успешного выполнения пятилетнего плана. И. Р. Такала упоминает, что Гюллинг лично обсуждал «карельский вопрос» со Сталиным и получил его одобрение [10]. В 1931–1932 годах проект был официально подтвержден Советом народных комиссаров СССР, РСФСР и Карелии [10].

Важно отметить, что «карельский проект» использовался в качестве прикрытия для решения личных и местных интересов. Как уже упоминалось, среди канадских коммунистических лидеров бытовало мнение, что эмиграция «красных» финнов нанесет ущерб пролетарскому движению в Канаде. Но КПК и карельские вербовщики руководствовались далеко не идеологическими принципами и альтруизмом. Например, Тенхунен злоупотреблял широкими полномочиями, которыми его наделило советское руководство, в корыстных целях. Тенхунен и Латва получали комиссионные за каждого взрослого и ребенка, переехавшего в Карелию [8; 48]. Более того, они также получали комиссионные от «Интуриста» – бюро, следившего за переселением в СССР.

Финансовая сторона «карельского исхода» была также важна для Бака и КПК. В начале 1930-х годов партия и ее печатный орган – газета «Уоркер» – испытывали финансовые трудности. В 1931 году Бак ввел налог в сумме двух долларов за каждую подачу заявления на переезд в Карелию. Ему срочно были нужны средства, и он настаивал, чтобы эти деньги были переведены в ЦИК, а не в региональные отделения партии (Доклад на встрече ЦИК 15.10.1931 – NAC, Group 28 IV, 4, папка M-7376). Можно также утверждать, что Бака более интересовало получение доли партии с доходов от шведских транспортных перевозок, нежели попытки остановить сам исход финнов. Как бы ни было, Тенхунен не был столь заинтересован, как Бак, в вопросе о распределении доходов от «карельского проекта».

«Карельский проект» был продиктован сверху центральными советскими и карельскими властями. Предполагалось, что он поможет поднять экономику Карелии и претворить в жизнь грандиозный план Гюллинга о Советско-Финской республике. Указания проводились в иерархической форме, из Кремля через Карелию в Канаду. Тем не менее различные партии по-разному отреагировали на приказы сверху, часто стремясь удовлетворить собственные нужды. Для коммунистических лидеров в СССР переселение в Карелию было «проектом», который стал для сотен канадских рабочих финнов «лихорадкой».

«КАРЕЛЬСКАЯ ЛИХОРАДКА»: РЕАКЦИЯ СНИЗУ

Тщательное изучение архивов и писем дает возможность сделать вывод, что канадские фин-

ны были вынуждены мигрировать по разным причинам, которые чаще всего имели личный характер и не совпадали с интересами коммунистических лидеров в СССР и Канаде. Значительная часть эмигрантов отправилась в Карелию в поисках работы и социальной стабильности, а не по идейным, культурным и другим нематериальным соображениям. Многие финны, отправившиеся из Канады в Карелию, действовали исключительно в своих интересах. В «карельском проекте» они видели возможность поправить экономическое положение своих семей и использовали все шансы, чтобы покинуть «страну возможностей» и отправиться в «рай для рабочих».

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В период с 1930 по 1933 год около 2000 канадских финнов переехали в Советскую Карелию. Только 30 из них (2 %) прибыли в республику в 1930 году. В 1931 году, в связи с тем, что вербовка приобрела официальный организованный характер и были открыты Центры технической помощи Карелии в Нью-Йорке и Торонто, количество эмигрантов значительно возросло. В 1931 и 1932 годах в Карелию отправились более 1500 канадских финнов, или 75 % от всех уехавших в 1930–1933 годах. (Здесь и далее анализируются списки североамериканских финнов, хранящиеся в Национальном архиве Карелии. Списки предоставлены автору Варпу Линдстрём и Эйлой Лахти-Аргутиной.) В 1933 году в Советский Союз отплыли 250 эмигрантов. Хотя несколько канадских финнов решили отправиться в СССР еще до 1931 года (первые эмигранты прибыли в СССР в 1925 году), массовый исход не был бы осуществлен без организованного процесса вербовки.

Около 75 % эмигрантов из Канады в Карелии получили работу в лесопромышленной сфере (лесорубы, плотники, пильщики, шоферы). 10 % были заняты в строительстве. Финны работали сельскохозяйственными рабочими, кузнецами, водителями тракторов, слесарями, горнорабочими, механиками, электриками, кровельщиками, сапожниками, портными, сварщиками, малярами. Также в Карелию прибыли четыре бухгалтера, два парикмахера и журналист.

Важно отметить, что в Карелию переселялись в основном семьями. Чаще всего переезжали молодые мужчины и женщины 20–30-летнего возраста. 60 % канадских финнов, мигрировавших в Карелию, прибыли в республику со своими семьями, остальные 40 % были холостыми. Тем не менее многие из этих одиноких мужчин и женщин являлись братьями, сестрами, дядями, тетями, двоюродными братьями и другими родственниками, которые приезжали в Карелию друг за другом. Например, в сентябре 1932 года 71-летний Урьё Кузьмин приехал в Карелию вместе со своей дочерью Тююне Кузьмин и ее

детьми – Урьё и Хэлен. Довольно часто неженатые мужчины приезжали вместе с семьями своих братьев. Например, Вальтер Лахти приехал к своему брату Вяйно Лахти, его жене Эллен и их детям Ельмер и Эллен. Хотя более 700 эмигрантов по прибытии были зарегистрированы как одинокие, большинство из них являлись членами огромных семей – звеньями родственной цепной миграции.

В числе прибывших было 380 женатых пар, из них 200 имели, по крайней мере, одного ребенка. 57 семей имели двух детей, 18 – трех, но были семьи и с семью детьми. 17 ноября 1931 года Роберт и Айно Хольмберг приехали в «рай для рабочих» с семьей детьми: Руут, Вильбретом, Расселом, Мартой, Дороти, Вернхардом и двухлетним Аланом.

Другой важной особенностью «карельской лихорадки» являлся преимущественно молодой возраст эмигрантов. Это были женщины и мужчины двадцати – тридцати лет, энергичные и в расцвете сил. По существу, они являлись сливками финской рабочей силы Канады, бесценным ресурсом трудовых кадров. 62 %, или две трети, тех, кто прибыл в Карелию с 1930 по 1933 год, были в возрасте от 21 до 39 лет. Если к этому числу мы добавим детей до 12 лет (каждый шестой эмигрант не достиг двенадцатилетнего возраста, были и такие, как 4-месячный Лео Сиеванен, сын Аарне и Импи Сиеванен), которые, как мы можем предположить, являлись потомками возрастной группы от 21 до 39, это составит в сумме 76 % всех участников «карельского исхода». Только 42 эмигранта, или 3 %, были старше 50 лет.

Таким образом, «карельский исход» являлся в основном семейным движением, среди эмигрантов преобладали молодые мужчины и женщины с детьми. Столь значительное число молодых семей с детьми заставляет поставить под сомнение точку зрения М. Севандер о том, что «идеологический фанатизм» сыграл решающую роль в распространении «карельской лихорадки». Сложно поверить, что молодые пары с только что рожденными детьми искали чего-то большего, чем экономическая и социальная стабильность. Это отнюдь не снижает роли коммунистической и социалистической идеологии в принятии финнами решения отправиться в Карелию. Но стоит поразмышлять, насколько сильны были радикальные настроения среди этих молодых мужчин и женщин, если приоритетами для них являлись наличие рабочего места, достаток и стабильность их семей и будущего их детей. Легче предположить, что скорее одинокие мужчины и женщины приезжали в Карелию по идеологическим соображениям, хотя, как уже было показано, многие холостяки просто следовали за семьями своих родственников в процессе расширяющейся цепной миграции.

Эмигранты приезжали в Карелию с целью поиска социально-экономического обеспечения, а не ведомые «идеологическим фанатизмом».

Пострадавших от экономической депрессии молодых финнов привлекала перспектива получения стабильной работы в СССР, бесплатного образования для их детей, медицинского обслуживания, государственной системы пенсионного обеспечения. Другими словами, «карельская лихорадка» подогревалась не идеологическими и политическими соображениями или фанатизмом, это был поиск лучших материальных условий. «Карельский проект» открыл новые возможности, которые «красные» финны, не колеблясь, использовали, чтобы убежать от бедности и безысходности в Канаде, отправившись попытать счастья на обетованную землю – в «рай для трудящихся».

ПИСЬМА ИЗ КАРЕЛИИ

Анализ писем североамериканских иммигрантов, отправленных из Карелии в Канаду и США в период с 1931 по 1933 год, показывает преимущества экономической и социальной жизни в СССР по сравнению с жизнью в Северной Америке. Например, в 1933 году шестнадцатилетний уроженец Оттертэйла, штат Миннесота, проживающий с семьей в Петрозаводске, писал: «Ты не должен волноваться о том, как ты будешь здесь жить, по сравнению с тем, как ты живешь там сейчас. У моего отца каждый день есть работа, и он не боится ее потерять» [9; 210]. Другая девушка в письме своей кузине отметила: «Маме и папе на самом деле здесь не очень нравится, но они понимают, что если, вернувшись назад, папа не получит работу, это будет ужасно» [9; 205]. Во многих письмах так или иначе подчеркивается важность наличия стабильной работы в Карелии. Канадским финнам было сложно адаптироваться в новых условиях жизни, привыкнуть к русско-советской культуре, но для многих покинуть Карелию было сложно или практически невозможно. Однако несколько семей заявляли о том, что им нравится жить в Карелии в условиях социальной защищенности и наличия стабильной работы, недостаток которых они испытывали в Канаде.

В своих письмах североамериканские финны хвалят поддерживаемую советским государством систему социально-экономического и культурного обеспечения. Один эмигрант пишет: «Однажды мне пришлось лечить зуб у дантиста, и это не стоило мне ни копейки. Здесь для рабочих бесплатные дантисты и врачи» [9; 210]. Кроме бесплатного медицинского обслуживания, эмигранты отмечали также наличие пенсионного обеспечения. В одном письме говорится: «Здесь, в стране рабочих, мы получаем надлежащую поддержку во время болезни или по старости лет» [9; 214]. Более того, в письмах также упоминается, что школы в республике бесплатные, способствующие продвижению финской культуры, финского языка, что облегчает адаптацию в новой среде. Перспективы трудоустрой-

ства, бесплатного медицинского обслуживания, бесплатного образования и пенсионного обеспечения послужили для канадских эмигрантов стимулом поселиться в Карелии. Прибыв в республику со своими семьями и родственниками, канадские финны приехали зарабатывать на жизнь, воспитывать детей, строить новые дома, как они думали, в социально и экономически защищенной среде. В большинстве своем они не искали приключений, и лишь немногие из них были радикально или революционно настроены. Но нельзя также утверждать, что финны не симпатизировали коммунизму, многие были равнодушны к идеям социализма. Тем не менее важно понять, что эти люди приехали сюда мирно жить, а не поднимать революционное восстание.

В данном разделе представлен статистический анализ данных о более чем 2000 финнов, которые покинули Канаду. Предполагается, что этот исход был частью семейно-цепной миграции. По моему мнению, основные причины трансатлантической миграции имели экономический характер. Было бы интересно проанализировать информацию о тех, кто вернулся из Карелии в Канаду (часть информации по этому вопросу является доступной), и определить, были ли те возвращенцы семьями, разочарованными в материальных условиях жизни в Карелии, или одиночками, чьи идеологические иллюзии были разрушены медленным прогрессом и неэффективностью социализма в СССР. Некоторые доступные письма и документы показывают, что одинокие финны более позитивно писали об опыте пребывания в Карелии, нежели главы семейств, которые не нашли жизнь в СССР такой привлекательной, как они предполагали.

Также важно подчеркнуть, что помимо ОГПУ и НКВД, которые писали в своих отчетах, что североамериканские финны являются нежелательным элементом в Советском Союзе, в СССР не было политических организаций, которых бы сколько-нибудь беспокоили идеологические воззрения канадских финнов. По мнению разработчиков пятилетнего плана, Советскому Союзу были нужны квалифицированные рабочие, а не активные коммунисты. Гюллинг и Ровио хотели быть уверены, что эмигрантами будут финны, готовые поддержать финноязычное население КАССР. Что касается Тенхунена и Латвы, то они определили, что им нужны работоспособные молодые люди, и оставили на усмотрение КПК вопрос об идеологических пристрастиях кандидатов на отъезд в Карелию. Как уже говорилось, лидеры КПК не были заинтересованы в том, чтобы преданные финны-социалисты уезжали в Карелию, и всевозможными способами пытались ограничить их отъезд. Таким образом, именно молодые финноязычные работники являлись основной целевой группой вербовщиков, и именно они составили большинство тех, кто уехал. Обещания благополучного будущего

в Карелии основывались на идеологических и экономических контрастах с безработицей в охваченной депрессией Канаде.

ДРУГИЕ ПРИЧИНЫ

Причины, по которым канадские финны приняли участие в «карельском проекте», были разными. Кто-то был заражен «идеологическим фанатизмом». Другие отправлялись за океан из любопытства и в поисках приключений. Однако большинство уехало из-за безработицы в Канаде и возможности трудоустройства в Советском Союзе. Многие эмигрировали по национальным и культурным соображениям. Некоторые историки утверждают, что национальная и культурная идентичность явились основными факторами, вызвавшими «карельскую лихорадку». Однако необходимо подчеркнуть, что миграция в Советский Союз не имела исключительно финский характер. Заявления на переезд в Карелию приходили из разных уголков Канады, и не только от финских граждан. 11 апреля 1931 года некий Стив Франк из Китченера, провинция Онтарио, написал в газету «Йоркер»: «Не могли бы вы сообщить некоторую информацию об эмиграции в Карелию. Несколько рабочих хотели знать, могут ли они эмигрировать. По профессии они квалифицированные механики, занятые в лесной промышленности. Пожалуйста, напишите мне, как они могут попасть в СССР» (Письмо С. Франка из Китченера, штат Онтарио, в газету «Йоркер» 11.04.1931 – NAC, Group 28 IV, 4, reel M-7378, 5 B 0765). Другое письмо пришло из Норанды, провинция Квебек: «Мне сообщили, что правительство России послало в Канаду агентов по найму квалифицированных рабочих в Россию. Я оператор-станочник с 16-летним стажем» (Письмо А. Галт из Норанды, провинция Квебек, в газету «Йоркер» 17.12.1930 – NAC, Group 28 IV, 4, reel M-7380, 7 B 1868). 23 февраля 1931 года в центральное управление КПК в Торонто пришло письмо из Принс-Джорджа, провинция Британская Колумбия: «Я понимаю, что России требуется огромное количество телеграфистов и поездных диспетчеров, не могли бы вы сообщить полную информацию относительно заработной платы, технических требований... транспортировки, паспортов и т. д.» (Письмо из Принс-Джорджа, провинция Британская Колумбия, в газету «Йоркер» 23.12.1930 – NAC, Group 28 IV, 4, reel M-7380, 7 B 1873).

Данные примеры показывают, что в начале 1930-х годов переезд в Советский Союз интересовал не только канадских финнов. «Карельский исход» был в большей степени результатом Великой депрессии и возрастающей бедности и голода, чем эмиграцией по национальным и культурным соображениям. Более того, если бы не Великая депрессия, «карельская лихорадка», вероятно всего, не претворилась бы

в жизнь, несмотря на попытки Гюллинга и Ровио привлечь рабочих в Карелию. Возможно, финны эмигрировали бы в Карелию, но не в таком количестве, и определенно не было бы такого ажиотажа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Карельский исход» – уникальное явление в истории Канады. Несмотря на Великую депрессию, 1930-е годы были чрезвычайно важным десятилетием в западном полушарии. Это было время радикальных изменений и консервативной реакции, отчаяния и в то же время амбициозных планов на будущее. Это была эпоха принципов и строгой политической морали, экономического кризиса, социальной нестабильности, усиливающегося национализма и политического радикализма. «Карельский исход» был рожден в атмосфере страданий, взлетов и падений, побед и предательств.

История сверху, как сказала Харли Дж. Кей, это анализ социополитических структур, исторических процессов, где правящая элита использует бедных – иными словами, «кто, кем и как управляет» [6; 84]. Как бы то ни было, «инструкции с той стороны» распространялись вниз в приказном порядке. Руководство на местах воспринимало эти указания неоднозначно. Каждая организация стремилась отстаивать свои собственные интересы. У Гюллинга и Ровио были цели национального характера, КПК интересовал пролетарский аспект в Северной Америке, Тенхунен и Латва были привлечены идеологией, а также личными целями, в то время как массы людей видели в «карельском проекте» возможность убежать от социального, экономического и политического кризиса. Причины «карельской лихорадки» в Канаде, которая заставила 2000 канадских финнов отправиться в Карелию, разнообразны настолько, насколько это возможно. Многие иммигранты искренне мечтали сделать советскую республику «раем для рабочих». Но большинство уезжало, чтобы найти работу и социально-экономическую стабильность. Часть иммигрантов в Карелию была привлечена географической и культурной близостью Карелии и Финляндии, родины финнов. Как уже было показано, многие одинокие финны приехали в Карелию за своими родственниками в процессе семейно-цепной миграции. Но были и те, кто отправлились в путь из любопытства и в поисках приключений. Большинство эмигрантов считали, что Северная Америка не оправдала их надежды – ни политические, ни экономические, ни культурные, ни социальные. Каждая группа имела свои собственные причины уехать в Карелию. Эти причины превратились в массовое движение снизу, которое получило название «карельской лихорадки».

История не может рассматриваться как черно-белая картинка. Ничто в историческом про-

цессе не является точным или определенным – в истории не существует «правды». Отдельный момент в историческом процессе похож на цветную фотографию, изображение которой меняется в зависимости от угла зрения. Краски в определенном положении смешиваются, сливаются, создавая гармонию. Так же и в истории – существуют сотни фактов, которые являются движущими силами в историческом процессе. Только при смешивании этих фактов, их динамике и взаимосвязи в пространстве получается гармония истории, исторический процесс. Существуют

объяснения «карельского исхода» не могут рассматриваться отдельно. Необходимо показать, что и было предпринято в данном исследовании, как причинно-следственные факторы исторического развития проявились во времени и пространстве, в социополитической и исторической обусловленности. Для советских коммунистов это был проект, который для канадских финнов стал лихорадкой, в то время как в Канаде его запомнили как исход.

(Пер. с англ. А. Андроновой)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. Москва: Олма Медиа Групп, 2007. 640 с.
2. Севандер М. Скитальцы: О судьбах американских финнов в Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 186 с.
3. Angus I. Canadian Bolsheviks: The Early Years of the Communist Party of Canada. Montreal: Vanguard press, 1981.
4. Harris S. Nilo's Journey: Finnish American Migration to the Soviet Union in the 1930s. M. A. Thesis. Norwich University, 2000.
5. Soviet Karelia // Vapaus. 02.05.1931.
6. Kaye H. J. The Education of Desire: Marxists and the Writing of History. New York: Routledge, 1992.
7. Lindström V. The Finnish Canadian Communities During the Decade of the Depression // Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. Toronto: Aspasia Books, 2004.
8. Pogorelskin A. Communism and the Co-ops: Recruiting and Financing the Finnish-American Migration to Karelia // Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. Toronto: Aspasia Books, 2004.
9. Smith R. H. A Sociological Survey of the Finnish Settlement of New York Mills, Minnesota and its Adjacent Territory. Augusts, 1933.
10. Takala I. From the Frying Pan into the Fire: North American Finns in Soviet Karelia // Journal of Finnish Studies. Vol. 8. No. 1. 2004.
11. The Communist International, 1919–1943 Documents, Volume III 1929–1943. Oxford University Press, 1971.
12. Weidenhamer E. Disillusionment on the Grandest of Scales: Finnish American in the Soviet Union, 1917–1939 // The Journal of Russian and Asian Studie, issue 3, winter 2005, Finnish Americans in the Soviet Union.
13. Worley M. Courting Disaster? The Communist International in the Third Period // In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period. New York: St. Martin, 2004.